

ЛИКВИДАЦИЯ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ АН СССР В 1953 г.

В.М. Панеях
(Санкт-Петербург)

20 марта 1953 г. в постановлении Президиума Академии наук СССР было признано целесообразным упразднить Ленинградское отделение Института истории АН СССР (ЛОИИ), а 20 апреля 1953 г. в порядке его реализации дирекция Института истории приняла решение ликвидировать свое отделение в Ленинграде.

Возникает вопрос: была ли эта акция беспрецедентной, случайной, навеванной сиюминутной конъюнктурой или она стала закономерным этапом в политике большевистской партии по отношению к науке и Академии наук вообще, гуманитарным его отделениям, гуманитарным научным коллективам в частности?

Уже в 1918 г. Наркомат просвещения Союза коммун Северной области (СКСО) выступил с инициативой ликвидировать Академию наук как "совершенно ненужный пережиток ложно-классической эпохи классового общества"¹. А в 1926 г. М.Н. Покровский со свойственной ему категоричностью предлагал: "... должны быть перебраны одно за другим все учреждения, входящие в состав Академии, и относительно каждого должен быть поставлен вопрос: нужно ли оно?" По его убеждению, это прежде всего относилось к историко-филологическому отделению Академии: "Нужно или радикально реорганизовать и в смысле личного состава, и в отношении программы занятий гуманитарное отделение Академии, или вовсе его прикрыть. С точки зрения экономии сил и средств последнее, конечно, было бы правильнее"². Такая альтернатива, предложенная заместителем наркома просвещения, руководителем Комакадемии и Института красной профессуры, обосновывалась тем, что академические ученые "остались тем, чем были при царях", – всего только беспристрастными искателями истины, а не строителями "социалистической культуры и социалистического общества"³. Особенно яростным нападкам М.Н. Покровский подверг Музей антропологии и этнографии, Пушкинский Дом, Словарную комиссию Академии и Постоянную историко-археографическую комиссию Академии наук. Все эти научные учреждения, как и вся Академия наук, были тогда в Ленинграде.

В 1923 г. вице-президент Академии В.А. Стеклов указал на одну из причин начавшегося преследования: "Зависть к успехам академии процветает в низших слоях так называемого ученого мира, и особенно московского (...). Эта зависть творит клевету и злословие"⁴.

Традиции Покровского, несмотря на известную судьбу его научного наследия, оказались очень живучими и сохраняли свою действенность на протяжении длительного времени. Впрочем, вместо "перебора" отдельных учреждений Академии на предмет выяснения того, нужны ли они, власти решили вопрос более радикально: был взят курс на ее огосударствление и большевизацию. В 1927 г. Совнарком СССР утвердил новый, первый советский, устав АН СССР, в январе–феврале 1929 г. в результате беспрецедентного ведомственного давления и газетной травли в состав Академии была введена (хотя формально и в результате выборов) группа членов партии, сразу же занявшая в ней руководящие посты. Параллельно шла чистка аппарата Президиума Академии наук.

Окончательно же добило Академию так называемое Академическое дело, получившее в печати и другие названия ("академическое дело Платонова–Тарле", "дело четырех академиков"). Органами ОГПУ были арестованы в 1929–1930 гг. многие десятки историков, музееведов, краеведов, архивистов, этнографов, в числе которых четыре академика, несколько членов-корреспондентов, научные сотрудники академических научных учреждений, работники аппарата. В 1931 г. во внесудебном порядке ("тройки" Полномочного представительства ОГПУ в ЛВО) ряд арестованных был приговорен к ссылкам, но большинство получили разные сроки заключения в концентрационных лагерях, некоторые были расстреляны⁵.

Применительно к исторической науке эта акция означала физическое устранение из нее самых крупных ученых как старшего, так и среднего поколений, получивших профессиональное образование до октября 1917 г., ликвидацию тем самым так называемой буржуазной науки и создание новой исторической науки силами выучеников пресловутой Коммунистической академии и институтов красной профессуры. Часть репрессированных ученых погибла в лагерях и ссылках, многие не вернулись к своей профессиональной деятельности. Те же, кто выжил и сумел вернуться в науку, поплатились не только здоровьем, но и моральной травмой, которая не позволяла им в полной мере использовать свой профессиональный потенциал. Да и иначе и не могло быть, если принять во внимание, что все они повседневно жили под страхом новых арестов и высылки.

Особенно непоправимый удар был нанесен по коллективу ленинградских ученых-историков, поскольку большая часть арестованных была ленинградцами, хотя, разумеется, репрессиям подвергались и многие москвичи (из четырех арестованных академиков трое – Н.П. Лихачев, С.Ф. Платонов и Е.В. Тарле – были ленинградцами и один – М.К. Любавский – москвич), а также единичные ученые из других городов. Это

объясняется и тем, что Академия в то время находилась еще в Ленинграде, но основные кадры новых, выкованных Комакадемией и институтами Красной профессуры так называемых марксистских историков естественным образом группировались в Москве.

Через лагеря и ссылки прошло подавляющее большинство представителей петербургской школы историков, которая постепенно формировалась на протяжении второй половины XIX в. в петербургском университете и Петербургской академии наук между революциями 1905-1907 гг. и февральской революцией.

Сочетание петербургской и московской исторических школ придавало всей науке истории необходимое многоцветье; обе они составляли единую русскую историческую науку, сохранявшую, несмотря на утраты конца 10-х – начала 20-х годов (ряд смертей от эпидемий и голода, эмиграция, начавшиеся аресты), свой громадный творческий потенциал.

Разумеется, обе эти школы в целом не имели ничего общего с новой генерацией историков, взлелеянных учебными заведениями и научными учреждениями, призванными воспитывать научных работников, придерживавшихся марксистско-ленинской методологии и находившихся под эгидой самого М.Н. Покровского. После расправы с московской школой и разгрома ленинградской именно они выходят на авансцену исторической науки и начинают определять направление ее развития даже после дискредитации школы Покровского во второй половине 30-х годов.

Что касается академической части ленинградских ученых-историков то в советское время она группировалась первоначально в Археографической комиссии и в Постоянной исторической комиссии, затем (с 1926 г.) после их слияния в Постоянной историко-археографической комиссии. Именно ее М.Н. Покровский стремился ликвидировать прежде всего, заменив Комакадемией⁶. В то время, когда председатель Постоянной историко-археографической комиссии академик С.Ф. Платонов и директор Музея академик Н.П. Лихачев после следствия, длившегося более года, были отправлены в ссылку (1931), возглавлявшиеся ими учреждения были преобразованы соответственно в Историко-археографический институт и в Институт книги, документа и письма. А в начале 1936 г. путем слияния Историко-археографического института с Институтом истории Комакадемии создается Институт истории АН СССР, который сразу же был переведен в Москву. В Ленинграде в марте 1936 г. было создано небольшое по численности отделение института, куда влились также Институт книги, документа и письма и Институт истории Ленинградского отделения Комакадемии. В то же время в Ленинграде прекратили свое существование все периодические исторические издания, которые до настоящего времени не возобновлены. Так завершилась большевизация исторических учреждений Академии наук, а обескровленная петербургско-ленинградская школа историков в ее академической части лишилась автономии и

попала в полное подчинение московского начальства и функционеров ЦК ВКП(б).

И все же, несмотря на репрессии, преследования и проработки в печати, петербургско-ленинградская школа полностью не угасла. В ЛОИИ остались работать академики Н.С. Державин, С.А. Жебелев, В.В. Струве, Е.В. Тарле, ряд других замечательных ученых, после войны включились в работу их ученики. Именно в небольшом коллективе ЛОИИ вскоре после окончания войны были подготовлены такие выдающиеся труды, как академические издания "Правды Русской" (два тома), "Судебников XV–XVI вв.", "Грамот Великого Новгорода и Пскова", монографии И.И. Смирнова "Восстание Болотникова", Б.А. Романова "Очерки дипломатической истории русско-японской войны", С.Я. Лурье "Геродот" и др., а Н.А. Державин, М.П. Вяткин, И.И. Смирнов и Е.В. Тарле стали лауреатами Сталинской премии.

Эти бесспорные достижения не были, однако, препятствием для начавшейся с конца 1948 г. травли ленинградских ученых старшего поколения, являвшихся носителями традиций петербургско-ленинградской школы. Истерическая кампания по искоренению буржуазного объективизма, так называемого космополитизма, вообще "охота на ведьм", идеологические проработки затронули не только историков и не только ленинградцев. Но в отношении к ленинградцам сказывались давнее недоброжелательство и подозрительность властей. "Ленинградское дело" конца 40 – начала 50-х годов стало результатом этой подозрительности и придало всему ленинградскому, в глазах властей, криминальный оттенок. Применительно к ленинградским историкам травля принимала различные формы. В частности, появилась серия статей (В.Т. Пашуто, Л.В. Черепнина и др.), призванная дискредитировать давно ушедших из жизни корифеев петербургской школы историков А.А. Шахматова, А.С. Лаппо-Данилевского, А.Е. Преснякова и др., а также живых ее представителей – С.Н. Валка, Б.А. Романова, С.Я. Лурье, А.В. Предтеченского. Начались обвинения в противопоставлении Ленинграда Москве. Оно усматривалось, например, в самом признании существования петербургской школы, в стремлении выпятить роль Петербурга–Ленинграда в истории страны. Борьба с этими проявлениями "сепаратизма" приобретала порой курьезные формы. Так, готовящееся в ЛОИИ многотомное исследование, охватывающее историю Петербурга–Петрограда–Ленинграда от возникновения города до современности было решено назвать "Очерками истории Ленинграда" – в отличие от "Истории Москвы", издававшейся в то же время.

Что касается ЛОИИ, то вся внутренняя жизнь этого научного учреждения строго регламентировалась поступающими из Москвы от дирекции Института истории АН СССР указаниями и приказами. В 1950–1952 г. прошла серия увольнений, мотивированных, главным образом, политическими соображениями, "непригодностью" для работы в Академии наук. За два года, предшествовавшие ликвидации ЛОИИ,

было уволено около половины научных сотрудников – 14 человек, среди которых оказались такие крупные и уважаемые ученые старшего поколения, как В.Г. Гейман, С.И. Ковалев, Р.Б. Мюллер, С.Я. Лурье, О.Л. Вайнштейн, В.А. Петров, А.И. Болтунова, а также и молодые способные ученые, например, О.А. Ваганов. Увольнения велись под флагом борьбы с "космополитизмом" и с теми, "кто равнодушно относится к борьбе с враждебной идеологической системой, кому чужды основные задачи, стоящие перед советской наукой"⁷.

В результате было признано, что произошло "укрепление (...) коллектива Ленинградского отделения", поскольку принятые взамен уволенных сотрудники имели не только то несомненное преимущество, что были моложе, но и то, что они "работают в области истории советского периода"⁸. "Укрепление" Ученого совета ЛОИИ также шло посредством выведения из него крупнейших ученых (А.И. Молока, И.П. Петрушевского, С.И. Ковалева, А.Ю. Якубовского, У.А. Шустера), после этого в нем образовалось "партийное ядро в 7 человек" (из 16) и он стал якобы "лучше контролировать и руководить научной работой"⁹. Все эти меры квалифицировались как "положительная работа по освежению кадров"¹⁰.

Новый всплеск в кампании против исторической науки спровоцировал XIX съезд партии. В выступлениях Багирова и Шаяхметова имели место резкие нападки на журнал "Вопросы истории" и Институт истории. В вину им поставили ошибки в деле освещения национального вопроса. Этому же была посвящена статья Л. Максимова в журнале "Большевик"¹¹. "Вопросы истории", утверждал автор, опубликовали материалы, которые внесли путаницу в проблемы, "отнюдь не дискуссионные, давно решенные марксистско-ленинской наукой". Следствием нападков высокопоставленных партийных функционеров и партийного журнала на Институт истории и его печатный орган стало образование в начале 1953 г. согласно указанию ЦК партии академической комиссии во главе с Ц.А. Степаняном для обследования Института с последующим обсуждением отчета о его работе на заседании Президиума АН СССР. Одновременно Отдел экономических и исторических наук и вузов ЦК КПСС проводил собственную проверку работы Института истории. По ее результатам Секретариатом ЦК КПСС была образована комиссия во главе с М.А. Суловым для подготовки и внесения в ЦК предложений "о мерах улучшения работы института"¹².

В целом Институту истории ставилось в вину, что он не возглавил советских историков "в деле перестройки научной работы", что в нем "наблюдается стремление уйти от разработки и освещения актуальных проблем исторической науки", "не изжита гнилая практика либерального отношения к людям, систематически не выполняющим планы работы и не дающих научной продукции на протяжении многих лет"¹³, наконец, что были допущены "серьезные ошибки в деле подбора, расстановки и подготовки кадров". В результате Институт оказался засоренным "людьми, политически сомнительными и неспособными